

Конференции, семинары,
круглые столы

АНАРХИЗМ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.М. КРАВЧЕНКО

Просыпающийся в последнее время интерес к анархизму как общественно-политическому движению интуитивно заставляет насторожиться. В памяти сразу всплывают черные знамена, тачанки, обвешанные пулеметными лентами бойцы, бомбисты и т.д. и т.п. Кажется, возможное возвращение в Россию анархизма как массового движения не сулит ничего другого. Но является ли такой анархизм единственно возможным? Для ответа на этот вопрос нужно вначале его прояснить, ответив, в свою очередь, на следующие вопросы: «Что такое анархизм? Что в его историческом воплощении случайно, а что принципиально? Как он изменился – чем был в прошлом и чем стал сейчас?» Именно этим вопросам был посвящен Круглый стол «Анархизм: история и современность», прошедший 20 февраля 2014 г. в стенах Института философии РАН.

Выступавший первым **В.В. Дамье** (вед. н. с. Института всеобщей истории РАН, проф. НИУ «Высшая школа экономики», д. ист. н.) сразу указал на необъятность всей темы анархизма, который, по его словам, «столь же широк, как и его антипод – государственничество». Речь В.В. Дамье была посвящена двум темам. Первая – это взаимоотношения анархизма и демократии, а точнее – критика анархизмом демократии. Дамье указал, что анархизм далеко не сразу пришел к ее отрицанию: сам Бакунин вначале был приверженцем сохранения некоего «парламента» как центрального органа власти и лишь впоследствии пришел к выводу, что и этот механизм слишком централизован. Главная претензия анархизма к демократии заключается в том, что «демократия – это тоже «кратия». В любом обществе, имеющем «центр» власти, этот центр может навязывать свою волю большинству людей. При представительной демократии эта проблема очевидна – любой избранный представитель получает право диктовать свою волю даже избравшему его большинству. В связи с этим Дамье напомнил о близком к анархизму лозунге Ж.Ж. Руссо: «Не делегируй!» Но и прямая демократия не лишена проблем «кратии». Даже наидемократичнейший референдум не учитывает, что в человеческом обществе не равны знания, возможности, влияние, а значит, власть все равно сохраняется *de facto*. В чем же ответ анархизма? В руководстве снизу: ни один центр не сможет приказать ни одной группе, что ей делать. Этот же принцип, по Дамье, работает при столкновении анархизма с актуальными проблемами современности. В экономике он решает проблему несогласованности производства с нуждами самих потребителей – и производителей. В экологии он позволяет избежать строительства загрязняющих природу

заводов — если местное население против этого. Завершая свое выступление, Дамье обратился к глубинным корням анархической мысли, к средневековому спору реализма и номинализма. Анархизм, по Дамье, — последовательный номинализм. В центре его стоит конкретная человеческая личность, но понимаемая не как «дикое животное», — а как человек разумный, способный договариваться. Именно концепцию общества как федерации свободных личностей Дамье считает «главным факелом, который анархизм передает уставшему человечеству».

После доклада Дамье почти каждое выступление предвлялось указанием на то, что в столь короткое время говорить обо «всем анархизме вообще» не удастся. Необятность проблематики анархизма стала еще одной концептуальной темой круглого стола. Очень точное терминологическое решение этой проблемы предложил *П.В. Рябов* (доцент МПГУ, к. филос. н.), используя термин «анархизмы» во множественном числе. Он и начал свой доклад с того, что очень трудно говорить об анархизме вообще. Анархизмы бывают всех возможных видов — богоборческие и религиозные, миролюбивые и воинственные, организованные или хаотические.

Анархизм пронизывает российскую историю — как протест против глубоко укоренившегося в России государственного деспотизма. Анархистская традиция в России не прерывалась никогда, поэтому можно согласиться со словами Бердяева, что «России анархизм присущ». Но все же, по Рябову, стоит скорее говорить, что анархизм *был* присущ России. Современный анархизм в России вынужден существовать в условиях атомизированного общества, вдобавок прошедшего через мясорубку сталинских и неолиберальных реформ. И, конечно же, из-за этого анархическая традиция в России сильно ослабела.

Почему же Рябов считает это проблемой? Что может дать анархизм современной цивилизации вообще и России в частности?

Анархизм актуален прежде всего своими вопросами. В современных условиях, когда цивилизация находится в состоянии кризиса, анархизм важен именно радикальной критикой всех форм отчуждения, эксплуатации власти. Несмотря на различие анархизмов, можно все же говорить об *анархистской идентичности*. Эта идентичность, по мнению Рябова, связана не с поверхностными признаками вроде отрицания государства (!) и т.п., это — *свобода*, в ее особом, анархическом, понимании. Во-первых, свобода — это спонтанность, творчество, доверие к жизни. В этом смысле анархистами оказываются даосы, Чжуан Цзы, Лао-цзы, а также Диоген-киник. Во вторых, свобода понимается индетерминистски. Это не «эрзац свобода» — осознанная необходимость стоиков, Гегеля, Маркса, Спинозы; это — осознанная возможность. Нельзя сказать, что сделает вышедший из тюрьмы узник, — говорит предтеча анархизма Макс Штирнер. Да, свобода может привести ко злу, но без свободы — нет никакого добра. А свобода без равенства — это свобода не для всех, а значит, ненастоящая свобода. Соглашаясь с Дамье, Рябов отметил, что свобода в анархизме понимается не как в либерализме, человек для

анархизма — не дикое животное, не атом, он не ограничивается другими людьми — он продолжается в них. В этом Рябов видит социальность анархизма — невозможность для него разделения внутреннего и внешнего. Свобода для анархизма — и цель, и средство, и путь. Анархист не может идти к свободе, отрицая свободу.

Д.И. Рублев (доц. Моск. гос. ун-та природообустройства, к. ист. н.), выступавший после двух докладчиков, перечислявших плюсы анархизма, решил, по его собственным словам, «добавить в бочку меда ложку дегтя». Власть, заметил он, реализуется и в неэтикетских обществах. И анархисты тоже могут захватить власть и построить диктатуру. В годы Гражданской войны анархисты проводили в Тверской губернии политику военного коммунизма (репрессии, продразверстка, огосударствление торговли) еще до самих коммунистов. Как же, спрашивает Рублев, такое возможно?

По его мнению, нужно учитывать социальную среду, из которой происходят люди, исповедующие ту или иную радикальную идеологию. Анархический теоретик Д. Новомирский в 1908 г., на спаде первой русской революции, писал: «К нам хлынул поток людей, охваченных жадной социальной мести, террора... а что такое анархизм — им было совершенно неважным». Этим же, кстати, объясняется и то, почему многие из этих «анархистов» затем ушли в партию большевиков. Рублев отметил, что такая ситуация может возникнуть и в будущем анархизме: в какой-то точке мира власть захватят люди, которые от имени анархизма установят диктатуру с подавлением инакомыслия, идеологией штурмовиков и т.п.

Вторая проблема, которую рассмотрел Рублев, — анархизм и интеллигенция. Анархическая мысль дала несколько ответов на этот вопрос. Так, Бакунин в начале своего пути считал, что в обществе будущего будет создан новый правящий класс — «научно-политическое сословие». Та же идея появлялась и позже, у многих мыслителей, колебавшихся между анархизмом и коммунистическим этатизмом. Но поздний российский анархизм пришел к прямо противоположным выводам, резко критикуя интеллигенцию. Можно говорить даже о возникновении сильной антиинтеллектуальной традиции. Причину этого Рублев отчасти видит в том, что в российской империи того времени сложилось понимание интеллектуального труда как труда привилегированного. Кропоткин в своих неопубликованных работах «Интеллигенция и рабочие» и «Интеллигенция и профсоюзы» выделил следующие черты, свойственные интеллигенции: «Сциентизм, вера в собственную ценность, элитаризм, этатизм». Но Рублев подчеркнул, что анархисты пытались вести именно **самокритику** интеллигенции.

Элитизму интеллигенции и ее претензиям на лидерство в народных движениях анархизм, в лице того же Кропоткина, противопоставлял широкое распространение знаний, массовое просвещение, идею смены видов труда, когда один и тот же человек будет часть времени заниматься физическим, а часть — интеллектуальным трудом. В соответствии с этим планом сам феномен интеллигенции будет изжит — каждый

человек будет отчасти интеллигентом. Еще один ответ, изобретенный анархизмом, — концепция интеллигенции как вида пролетариата, который тоже должен вести классовую борьбу в своих интересах. Она была разработана А.А. Боровым и описана в его книге «Интеллектуальный пролетариат», которая, к сожалению, так и не была издана. Данная концепция, конечно, чрезвычайно (увы!) современна сейчас именно в нашей стране.

В отличие от историков Дамье и Рублева, стремившихся говорить «по-философски», *А.Ю. Федоров* (анархист, независимый публицист) говорил чисто «по-исторически». Тема его выступления — «Идейные основы испанского анархо-синдикалистского движения в годы гражданской войны». Федоров отметил, что в истории влияния анархистов на гражданскую войну в Испании остается немало белых пятен. При более пристальном взгляде история испанского анархизма оказывается куда сложнее, чем мы привыкли ее себе представлять, она куда объемнее и живее шаблонов вроде «синдикализации производства», «создания коммун» и т.д. Сводя деятельность испанских анархистов периода гражданской войны к общепанархическому шаблону, мы лишаем себя возможности понять реальный испанский анархизм, а значит, упускаем из виду многосторонность этого движения вообще.

К примеру, испанские анархисты в 30-х гг. XX в. активно использовали термин «евгеника». Идеи евгеники и неомальтузианства лежали в основе политики кабинета Ларго Кабальеро по вопросам семьи. Анархист Исаак Пуэнте опубликовал несколько статей, специально касавшихся проблем евгеники. Речь, впрочем, уточнил Федоров, шла не о «евгенике» как о селекции человека, известной по фашистской Германии; «евгеника» испанских анархистов — это вопросы планирования семьи, профилактика сексуальных заболеваний и т.п. В историографии об испанской гражданской войне есть распространенный миф — «о расстрелах анархистской милицией гомосексуалистов на основании их сексуальной ориентации». Этот миф, указал докладчик, изобретен франкистской пропагандой. В действительности для анархистов эта тема не была даже табуирована: например, одна из создательниц около-анархической организации «Мухерес либрос», активно печатавшаяся в анархистской прессе, Люсия Санчес Саорнил, сама была лесбиянкой.

Доклад Федорова продолжил наметившуюся линию «демифологизации анархизма». Причем в данном случае — линию избавления от мифов, сложившихся не в широких кругах общества, а среди специалистов, изучающих анархизм. Подробное изучение реальности испанского анархизма периода гражданской войны поможет в понимании путей развития анархических структур в условиях расколотого общества, когда анархисты контролируют если не всю страну, то, по крайней мере, некую ее часть.

Темой выступления *А.М. Кравченко* (аспирант ИФ РАН) было творчество классика анархизма П.А. Кропоткина, в первую очередь его этика. Выступающий обратил внимание на *метод*, при помощи которого мыс-

литель описывает любую революцию: говоря о революции, Кропоткин постоянно подчеркивает справедливость и даже милосердие действий народа. Народ обладает странным пониманием нравственности, всегда действует с благородством, которого трудно ожидать даже от лучших его представителей. И эта черта, отметил Кравченко, обосновывается Кропоткиным теоретически. Вся природа в космосе Кропоткина нравственна. Только виды, развивающие взаимопомощь, являются эволюционно предпочтительными. Поэтому человек как высшая форма животного — также нравствен. В этом основа революционизма Кропоткина: революция пройдет «чисто» именно потому, что народ, особенно простой народ, нравствен. По предположению Кравченко, Кропоткин, хотя и посвятил весь поздний период творчества обоснованию этой позиции, все же не был до конца в ней уверен. Так ли человек хорош? По мнению Кравченко, мыслитель ощущал необходимость «учить анархизму». Но если анархизму нужно учить, то ему нужно и учиться. Для анархического общества, для анархической революции требуется анархический человек — тот самый человек из кропоткинского «народа», человек по природе справедливый. Именно это осознание необходимости анархического человека Кравченко считает важнейшим результатом деятельности Кропоткина для сегодняшнего дня.

Еще одна проблема, поднятая на круглом столе, была связана с тем, что В.В. Дамье назвал «терминологической путаницей». Общество в целом, и даже научное сообщество, не очень хорошо понимает, что именно подразумевать под словом «анархизм». Постоянно отождествляются, практически сливаются «анархизм» как положительная идеология и «анархизм» как простое отсутствие власти (буквальный перевод греческого термина). Видимо, именно из-за этого знаменитое бакунинское изречение «анархия — мать порядка!» воспринимается как оксюморон. По той же причине огромное множество политических событий, в ходе которых тем или иным образом воцаряется хаос, записываются в проявления «анархизма».

Эта проблема имеет очень давние корни, как заметил в своем выступлении *Д.И. Пейч* (научный сотрудник Института русского языка и культуры МГУ, к. ист. н.). Еще в конце XIX в. в российской полиции практически все теракты, кто бы их ни совершал, а иногда даже и уголовные деяния, считались «анархическими»: полиция не разбиралась в идеологических мотивах террористов. Начиная свой доклад, Д.И. Пейч подчеркнул, что ему «предстоит вернуть дискуссию в более кровавое русло». Фраза довольно точная, ведь его темой была «пропаганда действием», т.е. анархический террор. Как отметил Пейч, эта линия имеет давние основания в анархической мысли. Еще Бакунин указывал, что иногда прямые боевые акты могут оказаться куда более наглядными для простого народа, чем тысячи листовок и прокламаций.

По словам Пейча, пропаганда действием — это, конечно, проблемный и болезненный сюжет для анархизма. Однако это — определенный этап, который анархизм *прошел*. Основной период «увлечения» анархистов

террором — 1880 — 1930 гг. (после 1917 г. он резко пошел на спад); после этого традиция анархического террора фактически отмирает.

Список жертв европейского анархического террора достаточно внушителен: король Италии Умберто I (1900), императрица Елизавета Баварская (1888), президент Франции Сади Карно (1894), премьер-министр Испании Антонио Кановас (1988), президент США Уильям Мак-Кинли (1901).

В России, в отличие от Запада, объектами террора становились самые близкие, непосредственные угнетатели: фабриканты, промышленники, даже мелкобуржуазные хозяева. Если жертвы европейского анархического терроризма привлекают внимание своим «качеством», то жертвы русского — «количеством»: за первые 20 лет XX в. жертвами анархистского террора в России стали 17 000 человек. Пейч отметил, что анархический террор носил экономический характер, в отличие от политического террора, который применяли, к примеру, эсеры. Центрами террора в России были Екатеринослав (ныне Днепропетровск), Белосток и Одесса. Там же анархистами-безмотивниками был сформирован своеобразный образ коллективного угнетателя — им представлялся любой хорошо одетый человек, по виду которого неясно, что он является представителем пролетариата.

Анархические организации, как отметил Пейч, были далеко не едины в отношении к «пропаганде действием». Организации «Черное знамя» и «Безначалие», а также анархо-синдикалисты Д. Новомирского занимали крайне радикальные позиции. Против индивидуального террора выступала только организация «Хлеб и воля», наиболее «кропоткинская» по духу. Умеренную позицию занимали синдикалисты, также близко стоящие к Кропоткину, которые в конце концов призвали к вооруженному восстанию. Пейч, однако, указал, что сам Кропоткин никогда не приходил к идее полного отрицания террора. Но он считал, что призывать к террору может только тот, кто его осуществляет, а сам был теоретиком, но не практиком.

Доклад *Т.Г. Щедриной* (проф. МПГУ, д. ф. н.), казалось бы, лишь косвенно касался проблем анархизма. По словам Щедриной — исследовательницы философии Г.Г. Шпета, — к идее выступить на заседании круглого стола ее привели часто задаваемые вопросы о том, не был ли Шпет связан с анархизмом. И хотя ее доклад, как и доклад Федорова, не был посвящен современности, все же он современен; ведь, как заметила Щедрина, наша история — это наша жизнь.

В первой части ее выступления отчасти начата та грандиозная работа соединения современной философской и современной анархической мысли в единый континуум, о которой говорил Рябов. Щедрина отметила, что такой «респектабельный» академический философ, как Шпет, встречался с мыслителем-анархистом А. Боровым (чему есть фотографическое подтверждение), переписывался с ним, прекрасно знал анархическую литературу. Шпет не поддерживал идею *политического* анархизма, да и вообще критически отзывался о тех коллегах, которые, как, например,

Е.Н. Трубецкой, занимались политикой, «а не культурой» (Щедрина цитирует его слова: «Моя философия — есть дело общественное»). Но при этом Шпету была близка этика и теория образования анархизма. Сам Шпет в своих работах упоминает о близости к идеям Себастьяна Фора. Важнейший момент, сближающий в данном смысле Шпета и Кропоткина, — принцип «конкретного идеала». Идеал, по Шпету, — это задача; «мы не можем формулировать себе вечные идеалы и цели, а должны видеть их в жизни».

Важнейшей идеей, объединяющей Шпета с мыслителями-анархистами, является идея приоритета личности. Каждому человеку должна быть предоставлена возможность самореализации — только тогда можно говорить о возможности справедливости, равенства и братства, причем, указывает Щедрина, именно в этих, революционно-анархических терминах писал об этом сам Шпет. В его параллели с анархизмом есть интересная черта — подобно классикам русского анархизма, Бакунину и Кропоткину, Шпет не успел дописать свое последнее этическое сочинение, в котором собирался показать все возможности этики, основанной на принципах самоорганизации. Но даже его последнее произведение «Внутренняя форма слова» (1927) носит печать единства с анархической мыслью, утверждает идею неиерархизированности того человеческого общества, к которому следует стремиться.

Наше *вульгаризованное*, считает Щедрина, представление об анархизме как о разрушении — результат того, что мы забываем, что в анархизме главное — это личная моральная совесть и личное самовоспитание и самообразование. Именно этот момент и был самым важным для Шпета, самым близким ему. Анархизм Шпета, о котором говорила Т.Г. Щедрина, — это не классический анархизм, но и не антианархизм: это — *альтер*анархизм. Анархистом в привычном нам социально-политическом смысле Шпет не был. Но среди упомянутых Рябовым анархизмов хватит места и для анархизма Шпета — «анархизма духа».

Как отметил *Б.И. Пружинин* (профессор НИУ «Высшая школа экономики», гл. ред. журнала «Вопросы философии», д. филос. н.), главный редактор серии «Философия России первой половины XX века», в процессе издания серии, по ходу движения «вспять» (из XX века в XIX) было осознано существование русской философии как целостного феномена. Не последнюю роль, по мнению Пружинина, в ней играет как раз анархизм. Чтобы возратить историческую преемственность, мы должны осознать и роль в истории философии, и актуальность для сегодняшнего дня философов-анархистов, в первую очередь Бакунина и Кропоткина.

В.Г. Федотова (гл. н. с. ИФ РАН, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, д. филос. н.) дополнила выступления указанием на то, что анархические движения возникают сейчас сами по себе, без влияния классиков анархизма. С ее точки зрения, анархизм — родовая черта всей *незападной* Европы, подобно тому, как родовая черта Запада — демократия, законность. В 1990-е гг., отметила Федотова, у нас существовали вполне анархические формы, прикрывавшиеся демократической и национа-

листической фразеологией; в современной Украине есть много именно анархического и анархизма, «что бы об анархии в позитивном смысле ни говорил Кропоткин». Однако сердцевина этого движения – это, конечно, цивилизационный конфликт Запада и Востока.

Данная позиция вызвала полемический комментарий Д.И. Рублева, подчеркнувшего, что практически бессмысленно говорить о различных политических событиях с точки зрения их формы, а не идейных принципов. Это лишает анархизм, как и любую другую идеологию, идейного содержания. С этим согласился и Дамье, указав, что нельзя связывать любую самоорганизацию с анархизмом. Самый страшный геноцид современности – геноцид тутси в Руанде в 1994 г. – был самоорганизован на местах. Анархичен ли он?.. Ответ очевиден. Как же провести различие? Сами анархисты вывели для этого следующую формулу: «Анархия = не хаос, а самоорганизация *свободных* (специально подчеркнул Дамье) *личностей*».

Прошедший круглый стол выявил очень важную проблему – взаимное непонимание между обществом и анархизмом. Конечно, эта проблема только намечена, и ее разрешение потребует долгой и кропотливой работы; но разрешить ее – в интересах самого общества, особенно общества российского. Именно русские анархисты, и в первую очередь многократно упоминавшиеся в докладах Кропоткин и Бакунин, являются одними из наиболее влиятельных за рубежом русских философов. Только осмыслив и вобрав в себя радикальную линию отечественной мысли, наше современное общество сможет создать целостную картину самого себя. И только поняв до конца анархизм, современное общество и в России, и в мире сможет начать воспринимать его не как страшную сказку про заговорщиков с бомбами, а как серьезную социально-экономическую альтернативу, способную немало дать современному миру.